

встречаются в „Истории“ несколько необычные молитвенные обращения к богородице и к Троице, в которых особенно сходны заключительные слова, представляющие собой три варианта одного и того же предложения. В первой части „Истории“: „...яко да и в нем (в Константинополе, — М.С.) прославится и возвеличится имя великолепна Твоего в веки“. В центральной части „Истории“: „...яко да и всем (осажденным, — М.С.) прославиться и возблагодарить всесвятое и великолепное имя Твое“ (29). В послесловии: „...яко да и аз (Нестор Искандер, — М.С.) препрославлю и возблагодарю великолепное и превысокое имя Твое“ (43).

Затем и в первой, и в центральной части „Истории“ повторяется один и тот же прием определения мирового значения Константинополя. Так, в первой части при описании выбора Константином Великим места для новой столицы говорится, что „он... прилежааше мыслью на Трояду, идеже и всемирная победа бысть Греком на Фряги“ (т. е. Фриги, — М.С.; 2). В конце же центральной части вновь подчеркивается мировое значение Константинополя, созданного народом, который победил Троию: „Беззаконный Магумет седе на престоле царствия благороднейша суща всех, иже под солнцем, и изобладаше владеющих двема части вселенныя и одоле одолевших гордаго Артаксерксиа невместима пучинами морскими и воя вода ширя земля и потреби потребивших Троию предивну и семьюдесятью и четырма крали обороняему“ (40).

Наконец, особое значение в решении вопроса о первоначальном составе „Истории“ и процессе ее создания имеют встречающиеся в ее тексте слова новогреческого языка. Впервые некоторые из них отметил И. И. Срезневский, правда, не предлагая по поводу их никаких своих объяснений. Г. Дестунис уже определенно считает такую форму, как „тумбаны“, напоминающей *τὸυμπανα* греческого, как он говорит, „просторечья“ (вместо литературного *τὸυρπανα*). Известная в „просторечье“ форма „Аморей“ предположительно производится им от *Ἄμωρέας*.¹ М. Н. Сперанский указывает две другие формы „греческого просторечья“: Визандия и Констандин.² Но никаких определенных выводов из этих наблюдений ни Г. Дестунис, ни М. Н. Сперанский не делают. А между тем, наличие в тексте „Истории“ нескольких слов новогреческого языка заслуживает весьма пристального внимания. Дело в том, что они встречаются на протяжении всего текста „Истории“. Правда, в дошедших до нас текстах „Истории“ они сохранились не с одинаковой полнотой. Формы „Визандия“ и „Констандин“ оказались в письменной традиции менее устойчивыми, чем формы „Аморей“ и „тумбаны“. И это вполне понятно. Первые легко вытеснялись широко распространенными в живой русской речи и в письменности литературными формами „Византия“ и „Константин“. Формы же „Аморей“ и „тумбаны“, мало известные в живой речи и письменности, сохранились во всех случаях употребления этих слов. Само собой разумеется, что наличие слов новогреческого языка во всех частях „Истории“ может только подтверждать предположение о ее исконной цельности и единстве.

Все многочисленные списки „Истории“ о взятии Царьграда турками разбиваются на две группы. Первая из этих групп представлена пока единственным известным в науке списком Троице-Сергиевой лавры № 773, начала XVI века; вторая — большим количеством списков

¹ Г. Дестунис, ук. соч., стр. 373.

² См. выше, стр. 152, примеч. 1.